Н. Н. Гудалов

РОЛЬ ВНЕШНИХ АКТОРОВ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА (на примере Европейского союза и палестинских негосударственных организаций)

Гражданское общество — важный фактор успеха или неудачи разрешения международных конфликтов. Часто оно становится объектом влияния внешних акторов, выступающих как третья сторона в конфликте. На примере Европейского союза (ЕС) и палестинских негосударственных организаций (НГО) показано, с какими проблемами могут столкнуться даже влиятельные акторы в их попытках поддерживать НГО. Так, ЕС в конфликтном контексте проводил противоречивую политику. Опираясь на свой исторический опыт, он пытался способствовать демократизации и экономическому развитию палестинского общества. Однако ни ЕС, ни другим посредникам не удалось найти политическое решение палестино-израильского конфликта. Поэтому поддержка ЕС фактически лишь смягчала его симптомы, укрепляла "сильный" палестинский режим, порождала клиентелизм, расходилась с приоритетами многих палестинских НГО и не позволяла им полноценно выполнять свои демократические и миротворческие функции.

Ключевые слова: Европейский союз, палестино-израильский конфликт, негосударственные организации.

N. Gudalov

THE ROLE OF EXTERNAL ACTORS IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY IN A CONFLICT CONTEXT (the Case of the European Union and Palestinian Non-Governmental Organisations)

Civil society is a key factor of the success or failure of international conflicts resolution. It is often subjected to the influence of external actors that are third parties to a conflict. Drawing on the example of the European Union (EU) and Palestinian non-governmental organizations (NGOs), the article shows some problems that even influential actors can face when trying to support NGOs. Thus, the EU has pursued an ambiguous policy in the conflict context. Relying on its historical experience, it has tried to promote democracy and economic development of the Palestinian society. At the same time, neither the EU nor other mediators have succeeded to find a political solution to the Israeli-Palestinian conflict. Therefore, the EU support has only alleviated its symptoms, solidified the 'strong' Palestinian regime, engendered clientelism, diverged from many Palestinian NGOs' priorities and has not enabled them to fully perform their democratic and peacemaking functions.

Keywords: European Union, Israeli-Palestinian conflict, non-governmental organizations.

Динамика международных конфликтов тесно связана с развитием гражданского общества. В свою очередь, на него сильно влияют внешние акторы, играющие роль третьей стороны в конфликте [24, p. 6–15]. Значение Европейского союза (ЕС) в этом отношении уникально. Будучи проектом, основанным на примирении и демократической консолидации, он взял на себя обязательство реализовывать эти идеалы в своей внешней деятельности [10]. Для этого в его распоряжении имеются значительные материальные, институциональные, экспертные и символические ресурсы. Тем не менее, вмешательство ЕС в конфликты не всегда приводит к реализации заявлен-

ных целей. В настоящей статье на конкретном примере анализируются причины его неудач.

Подход ЕС к международным конфликтам ориентирован прежде всего не на управление ими или их урегулирование, а на их разрешение и трансформацию [24, p. 2]. Обладая существенным потенциалом влияния на фундаментальные структуры, определяющие поведение других акторов («структурной силой») [15], ЕС стремится разрешать глубинные, структурные противоречия между сторонами конфликтов. Нужно подчеркнуть, что подобный подход предполагает работу со всеми слоями соответствующих обществ, а не только с элитами [1, с. 58]. Он может быть особенно актуальным в случаях затяжных «межобщинных» конфликтов, не вполне соответствующих модели межгосударственного столкновения. Пример «межобщинного» противостояния дает и палестино-израильский конфликт [2, с. 24–28], плохо поддающийся управлению [5, p. xxii–xxiv].

В этом контексте роль гражданского общества становится центральной. Дать его общепринятое определение, которое бы одновременно учитывало западный опыт и подходило для анализа любого социума, очень сложно. Наиболее правильным кажется такое его понимание, которое было бы максимально свободно от нормативных коннотаций. В данной статье гражданское общество определяется как “область добровольного коллективного действия, направляемого общими ценностями и/или интересами, которая функционирует вне государства, рынка и семьи и которая создает сеть социальных отношений, соединяющих эти три сферы” [24, p. 6]. Гражданское общество влияет на конфликт как выполняя свои общие функции (указанные в определении), так и напрямую вовлекаясь в него. Далеко не всегда это способствует разрешению противостояния. Негосударственные организации (НГО) как центральное звено гражданского общества — не только активный агент, воздействующий на конфликт, но и отражение соответствующих социальных противоречий. Внешние акторы, поощряющие развитие местных НГО, могут как способствовать, так и препятствовать выполнению ими своих функций. В любом случае, без работы с гражданским обществом с его связующей ролью в социуме успешное разрешение конфликтов едва ли возможно [24, p. 5–20].

В настоящей статье выдвигается гипотеза о том, что неудачи ЕС по развитию палестинского гражданского общества связаны с противоречиями в его подходе к палестино-израильскому конфликту. С одной стороны, основываясь на собственном опыте, ЕС полагал, что экономическое развитие способствует демократизации, а вместе они, наряду с региональной интеграцией в Средиземноморье, почти автоматически ведут к ослаблению конфликтности [18, p. 42–43]. Такая стратегия, однако, соответствовала постконфликтному миростроительству [6, p. 16] и могла сработать, лишь если бы было устранено острое военно-политическое противостояние. Этого, как известно, не произошло. С другой стороны, на практике, в условиях неразрешенного конфликта, ЕС поддерживал авторитарный режим Палестинской Администрации (ПА), который казался способным выполнять соглашения с Израилем. ЕС стремился одновременно обеспечить и построение палестинского государства, и соблюдение в конфликте прав человека. Однако со временем первый ориентир стал все больше противоречить второму [23, p. 75–76].

На официальном уровне поддержке гражданского общества уделялось большое внимание в обоих планах действий, заключенных ЕС и ПА [11; 12]. ЕС (Европейская комиссия и государства-члены) стал крупнейшим донором палестинцев [19]. С момента основания ПА в 1994 г. ЕС оказал им помощь примерно на 5 млрд евро [22].

В рамках нового Европейского инструмента соседства (2014–2020) объемы средств останутся примерно на прежнем уровне [13]. Конечно, суммы, выделявшиеся на развитие демократии, были часто на порядок меньше тех, которые покрывали текущие расходы ПА и шли на гуманитарную помощь беженцам [22] (т. е., другими словами, тратились не на стратегические цели построения институтов). Тем не менее, в сравнении с другими реципиентами, и по количеству средств, и по усилиям внешних акторов ПА можно по праву назвать уникальной "лабораторией" демократизации в регионе [21, p. 6]. Безусловно, финансовая поддержка, а также постоянный диалог с гражданским обществом позволили ЕС внести некоторый вклад в его развитие, что признают и сами представители палестинских НГО [16]. Основные причины, по которым этот эксперимент все же не привел к эффективной поддержке гражданского общества, связаны не с объемами финансирования, они оказались гораздо более глубокими.

Первой проблемой стала последовательная поддержка ЕС режима ПА и доминирования в нем партии Фатх, что придало ему отчетливые авторитарные черты. Появление подобного режима явилось следствием недостатков мирного процесса Осло, который начался в 1993 г. Нужно подчеркнуть, что в 1970–1980-е гг. некоторые типичные процессы модернизации, а также уникальное положение Оккупированных палестинских территорий (ОПТ) в контексте израильской оккупации с 1967 г. привели к возникновению на них весьма активного и плюралистического гражданского общества. Происходило постепенное размежевание религиозных структур и традиционной элиты, становление среднего и рабочего классов. Израильская оккупация способствовала межклассовой солидарности и самоорганизации жителей ОПТ. Политика Израиля по созданию альтернатив националистической Организации освобождения Палестины (ООП) вела к большему плюрализму гражданского общества, а приостановка им муниципальных выборов на ОПТ в 1980 г. сделала НГО фактически единственным каналом связи между народом и элитой. Внешние конкурирующие воздействия на местное гражданское общество со стороны различных арабских государств и фракций внутри ООП (находившейся в эмиграции) еще более усиливали его плюрализм [14, p. 246–248]. Роль НГО особенно повысилась во время первой Интифады (1987–1993) [3, p. 6–8]. Значимым актором в становлении независимого гражданского общества были умеренные исламисты [14, p. 247].

Создание Палестинской администрации в 1994 г. кардинально изменило положение. Значение местных НГО снизилось под влиянием вернувшихся из-за рубежа представителей элиты ООП; власть сосредоточилась в руках Фатх. Произошло существенное огосударствление деятельности НГО в результате их подчинения или кооптации властями [14, p. 248–249]. С того времени мирный процесс, поддержанный в том числе ЕС, так и не привел к решению фундаментальной проблемы — к контролю Израилем ОПТ, главной проблемы, влияющей в том числе и на эффективность помощи палестинским НГО даже согласно оптимистичным мнениям их представителей [16]. ЕС и другие акторы так и не смогли убедить Израиль предоставить палестинцам на ОПТ либо подлинный суверенитет, либо полные гражданские права. Созданная в рамках мирного процесса ПА, не имеющая фактического полноценного суверенитета, в этом контексте могла лишь выполнять функцию по подавлению внутреннего протеста палестинцев. В условиях оккупации или фактического контроля Израиля за их жизнью (в случае Сектора Газа после 2005 г.) этот протест весьма предсказуем и едва ли может быть устранен. Предоставление Палестине статуса государства-наблюдателя при ООН в 2012 г. и при-

нятие ПА официального названия «Государство Палестина» в 2013 г. сами по себе не способны решить этих проблем. Таким образом, как признавал бывший министр иностранных дел Израиля Шломо Бен-Ами, «один из смыслов [процесса] Осло состоял в том, что ООП была в конечном счете союзником Израиля в деле подавления Интифады и подрыве того, что очевидным образом представляло из себя подлинно демократическую борьбу за палестинскую независимость» [7, p. 191]. По словам другого израильского политика, Натана Щаранского, «идея Осло состояла в том, чтобы найти сильного диктатора, чтобы… держать палестинцев под контролем» [17]. В рамках подобной модели призывы палестинских активистов, которые уже с 1996 г. «настаивали на том, чтобы их государство было рождено реформированным, не повторяя авторитарных черт, обычных для всех арабских режимов» [8, p. 3], фактически входили в противоречие с поддержкой ЕС процесса Осло. В этом контексте финансовая помощь ЕС не соответствовала принципу «больше — значит лучше». Перечисляя ПА деньги собственных налогоплательщиков, он фактически откладывал решение главных проблем палестинцев, удовлетворяя лишь их базовые материальные потребности, избавлял Израиль от его обязанностей как оккупирующего государства, финансировал проекты, которые постоянно разрушались в ходе военных действий. В итоге ПА стала подобием «государства-рантье», вовлеченного в сеть внешних и внутренних клиентелистских связей, легитимность которого основывается во многом лишь на международной помощи (а также зависит от экономики и действий Израиля) [14, p. 249]. Таким образом, палестинское гражданское общество на ОПТ имело значительный потенциал развития, строительство институтов ПА стало одним из самых амбициозных «демократических экспериментов» западных государств: однако этот эксперимент не стал удачным, прежде всего, из-за той политической логики, на которой он основывался.

Вторая проблема состояла в том, что палестинские НГО зачастую становились клиентами ЕС и других доноров и действовали в отрыве от местного общества. Если ПА в целом опиралась на внешнюю ренту, то многие НГО были ее «уменьшенными копиями» [3, p. 12]. Изначально предпринималось мало попыток привлечь собственно палестинский частный сектор к финансированию НГО [3, p. 15]. С теоретической точки зрения, негативными последствиями иностранной помощи могут быть как излишняя деполитизация НГО, так и их политизация [24, p. 19–20]. В палестинском случае оба процесса сочетались. С одной стороны, на средствах ЕС выросла целая профессиональная «индустрия мирного процесса», ориентированная на чисто технический процесс оказания помощи палестинцам. Подобные НГО нередко выстраивались для удовлетворения личных амбиций их руководителей. Они могли быть де-факто бизнесом, могли иметь непрозрачную внутреннюю структуру и быть нерепрезентативными, вместо этого порождая в обществе сеть клиентел [3, p. 12; 9, p. 27]. Доноры, работавшие с ними, часто не обращали на это внимания, заботясь лишь о выполнении контрактных обязательств [3, p. 12]. Со сложностями процедур ЕС для получения финансирования могли справиться лишь крупные и средние НГО, что маргинализировало более мелкие или неформальные организации [9, p. 31].

С другой стороны, НГО были вынуждены следовать политическим приоритетам доноров, в том числе ЕС, т. е. поддерживать мирный процесс в его существующем виде. Так, ЕС официально оказывал помощь «политически нейтральным» НГО, однако за этим деполитизированным процессом часто скрывался фундаментально политический выбор. Например, он не помогал НГО, связанным со светскими левы-

ми палестинскими партиями, которые не поддержали процесс Осло. Это способствовало снижению их роли [9, p. 5, 27–28] и стало одной из причин поляризации политической системы ПА между лишь двумя силами — элитой Фатх и внесистемной контрэлитой — исламистским движением Хамас [3, p. 9–10]. Кроме того, ЕС маргинализировал НГО, так или иначе связанные с исламистами. В 2003 г. он внес движение Хамас в список террористических организаций. После его победы на демократических выборах в Палестинский законодательный совет (ПЗС) в 2006 г. ЕС продолжил поддержку Фатх и отказался идти с Хамас на контакты или оказывать его правительству финансовую помощь, пока движение не откажется от насилия и не признает Израиль и предыдущие соглашения. Все это лишь способствовало радикализации Хамас, конфликту между двумя организациями и расколу с 2007 г. между Западным Берегом, где ПА во главе с Фатх сохранила власть, и Сектором Газа, который контролирует Хамас (оба — на сомнительных правовых основаниях) [9, p. 30]. ЕС все еще не имеет четкой стратегии их примирения. Этот политический раскол сам по себе затруднил развитие гражданского общества. Однако государства-члены ЕС предпринимали действия и против благотворительных структур, якобы связанных с Хамас [25, с. 295–296], хотя на деле очень сложно доказать, что исламистские НГО априори должны оказывать *политическую* поддержку Хамас. В целом, исламистские НГО на ОПТ заслужили имидж эффективных и прозрачных организаций; они были вовлечены в различные инновационные формы гражданской активности [20, p. 4, 87–91]. В глазах палестинцев это выгодно отличало их от «прозападных» НГО [3, p. 12], легитимность которых не могли повысить никакие финансовые вливания.

ЕС также создавал впечатление среди палестинских НГО, что он ведет работу лишь с государственными или близкими к ним структурами. В его деятельности почти отсутствовали НГО из палестинской диаспоры, и так маргинализированной в рамках палестинской политической системы. Политические «сигналы», посылаемые НГО от ЕС, не всегда были четкими. Осуждая политику Израиля, он, однако, даже мог прибегать к цензуре некоторых проектов, которые содержали «неуместную» критику израильских действий [9, p. 31]. Наконец, ЕС продолжает поощрять формы работы НГО, которые во многом показали свою неэффективность или непопулярность. Это относится, например, к «межличностным контактам» (‘people-to-people contacts’) между палестинцами и израильтянами. Воздействуя на *симптомы* конфликта, они в условиях оккупации и силовой асимметрии сторон едва ли могли привести к устранению его политических *корней* [9, p. 8, 31].

Одна из наиболее глубоких проблем политических приоритетов ЕС заключается в том, что они слабо соответствуют набирающим силу тенденциям в палестинском гражданском обществе. Во-первых, главной целью многих палестинских активистов сейчас становится защита *прав* палестинцев, нарушаемых и Израилем, и Фатх, и Хамас, и странами, где проживают беженцы. На задний план отходит способ ее реализации — путем создания национального государства, требования израильского гражданства, формирования региональной интеграционной структуры. Во-вторых, в этой гражданской активности все чаще используются ненасильственные методы. Таким образом, акценты смещаются с коллективных прав на индивидуальные; с рассуждений о «вечных правах евреев или арабов на землю» и государствоцентричной логики на уважение конкретных людей; с исключающих национальные и религиозные идентичности на менее антагонистические; с тупиковых путей терроризма или бесперспективных переговоров

на мирный подрыв дискриминационной структуры конфликта [4]. Однако ЕС последовательно поддерживает текущую модель разрешения конфликта (ориентированную на переговоры и создание полноценного палестинского государства по соседству с Израилем). Между тем она становится все менее реалистичной из-за фактической зависимости ОПТ от Израиля. Более того, она связана с крайне упрощенным «националистическим» видением конфликта [9, p. 9]. Будучи наднациональным проектом, ЕС, однако, защищает модель, которая во многом игнорирует внутреннюю неоднородность израильского и палестинского социумов, региональную взаимозависимость и в целом поощряет у сторон конфликта впечатление, что государство может принадлежать не всем своим гражданам, а только евреям или палестинским арабам. Ни Израиль как исключительно «еврейское» государство, ни нежизнеспособная Палестина с «урезанным» суверенитетом, скорее всего, не смогут стать подлинно демократическими государствами.

Наконец, четвертая проблема связана с предыдущими и заключается в том, что палестинские организации не могут нормально выполнять свойственные НГО функции. В условиях оккупации и отсутствия полноценных государственных структур, а особенно с началом иностранной помощи, они все больше концентрировались на техническом, деполитизированном процессе оказания социальных услуг. Это приводило к самоустранению НГО от вопросов поощрения гражданственной сознательности и демократических институтов. Далее, даже политическое участие гражданского общества в «национальном строительстве» часто входило в противоречие с демократической функцией НГО как «буфера» *между* властью и обществом *внутри* социума, защитника граждан от злоупотреблений *собственных* «национальных» властей. Наконец, деятельность НГО была искажена поляризацией между Фатх и Хамас. При отсутствии либеральной «третьей силы» часть НГО вынуждена была выполнять ряд функций политических партий, что вредило их собственным приоритетам [3; 9]. С другой стороны, из среды НГО так и не появилось полноценной партии, способной всерьез бросить вызов двум доминирующим силам. Это вполне объяснимо в контексте конфликта, в котором жизнеспособными оказались лишь Фатх, поддерживаемый внешними акторами, и вооруженная исламистская контрэлита Хамас. Эта ситуация создавала ложное впечатление о том, что политику на ОПТ (и в других арабских странах) можно редуцировать к дихотомии «плохого» (светской диктатуры) и «еще худшего» (радикального исламизма). Наоборот, гражданское общество, в том числе включающее либералов и умеренных исламистов, на ОПТ исторически было довольно активным. Это подтверждает и упомянутое движение, которое сейчас сочетает борьбу за «палестинское дело» с защитой индивидуальных прав человека. Однако то, что палестинское гражданское общество имеет ограниченное *политическое* влияние, во многом объясняется именно действиями внешних акторов, а не особенностями местной политической культуры.

Итак, в условиях неразрешенного военно-политического конфликта и созданной на ОПТ при поддержке Евросоюза политической системы многие палестинские НГО стали зависимыми организациями, не способными ни выполнять свойственные им демократические функции, ни вносить вклад в окончательное разрешение конфликта. Усилия ЕС по постконфликтному миростроительству натолкнулись на реалии оккупации и насилия, что привело к противоречиям в его политике. Эти усилия — необходимое, но не достаточное условие мира, поэтому они должны дополняться поиском политического решения конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лебедева М. М.* Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения, технологии. 2-е изд. М.: Аспект пресс, 1999. 271 с.

2. *Эпштейн А. Д.* Израильтяне и палестинцы: от конфронтации — к переговорам и обратно. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2009. 191 с.

3. *Abdel Shafi S.* Civil Society and Political Elites in Palestine and the Role of International Donors: A Palestinian View. Euromesco paper 33. 2004. 16 p. URL: http://www.euromesco.net/euromesco/media/paper33_final.pdf (дата обращения: 22.03.2014).

4. After Zionism. One State for Israel and Palestine / Ed. by A. Loewenstein and A. Moor. London: Saqi, 2012.

5. *Alaoudah S. A.* Managing the Conflict between Palestine and Israel. The Role of the European Union. London: Authorhouse, 2010. xxv, 195 p.

6. *Asseburg M.* Euro-Mediterranean cooperation and protracted conflicts in the region: the Israeli-Palestinian predicament // Asseburg M., Salem P. No Euro-Mediterranean Community without Peace. EU ISS, IEMed paper. 2009. P. 13–27. URL: http://www.iemed.org/publicacions/10papers2010_1.pdf (дата обращения: 12.03.2014).

7. *Ben-Ami S.* Scars of War, Wounds of Peace: The Israeli-Arab Tragedy. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. xiv. 354 p.

8. *Brown N. J.* Requiem for Palestinian Reform. Carnegie paper 81. 2007. 17 p. URL: http://www.carnegieendowment.org/files/cp_81_palestine_final.pdf (дата обращения: 25.03.2014).

9. *Challand B.* Coming Too Late? The EU's Mixed Approaches to Transforming the Israeli-Palestinian Conflict. MICROCON Policy Working Paper 12. 2010. 37 p. URL: http://www.microconflict.eu/publications/PWP12_BC.pdf (дата обращения: 26.03.2014).

10. Consolidated Version of the Treaty on European Union. Art. 21. 2012. October 26. URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2012:326:0013:0046:EN:PDF (дата обращения: 10.03.2014).

11. European Union — Palestinian Authority Action Plan. 2005. URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/action_plans/pa_enp_ap_final_en.pdf (дата обращения: 15.03.2014).

12. European Union — Palestinian Authority Action Plan. 2013. URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/action_plans/2013_eu_pa_action_plan_en.pdf (дата обращения: 21.03.2014).

13. *Gatt-Rutter J.* Interview with the Neighbourhood Info Centre. 2014. February 12. URL: http://www.enpi-info.eu/medportal/features//718/Three-Questions-to-the-EU-Representative-(West-Bank-and-Gaza,-UNRWA),-John-Gatt-Rutter (дата обращения: 22.03.2014).

14. *Gunning J.* Hamas in Politics. Democracy, Religion, Violence. London: Hurst & Company, 2007. xiv. 310 p.

15. *Keukeleire S., MacNaughtan J.* The Foreign Policy of the European Union. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. xvii. 374 p.

16. *Kutteneh R.* EU funding of Palestine NGOs strengthens civil society // EUObserver. 2009. August 20. URL: http://euobserver.com/opinion/28357 (дата обращения: 22.03.2014).

17. *Levy-Ajzenkopf A.* Sharansky on tour promoting identity, freedom // Canadian Jewish News. 2008. July 1. Reprinted in: Edmonton Jewish News. 2008. Vol. 18. No. 1. P. 4. URL: http://www.albertaonrecord.ca/uploads/r/jewish-archives-and-historical-society-of-edmonton-and-northern-alberta/9/1/913257/1554.pdf (дата обращения: 25.03.2014).

18. *Pace M.* Paradoxes and Contradictions of EU Democracy Promotion in the Mediterranean: the Limits of EU Normative Power // Democratization. 2009. Vol. 16. No. 1. P. 39–58.

19. Political and economic relations // EU Delegation to West Bank and Gaza Strip. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/westbank/eu_westbank/political_relations/index_en.htm (дата обращения: 21.03.2014).

20. *Roy S.* Hamas and Civil Society in Gaza. Engaging the Islamist Social Sector. Princeton: Princeton University Press, 2011. xvii. 319 p.

21. *Schmid D., Braizat F.* The Adaptation of EU and US Democracy Promotion Programmes to the Local Political Context in Jordan and Palestine and Their Relevance to Grand Geopolitical Designs. Euromesco paper 50. 2006. 29 p. URL: http://www.euromesco.net/images/50_eng.pdf (дата обращения: 22.03.2014).

22. The European Union and the Palestinians // EU Delegation to West Bank and Gaza Strip. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/westbank/documents/news/2013_generalbrochure_en.pdf (дата обращения: 21.03.2014).

23. *Tocci N.* Active but Acquiescent: the EU's Response to the Israeli Military Offensive in the Gaza Strip. Brussels: Euro-Mediterranean Human Rights Network, 2009. 92 p. URL: http://adalah.org/features/gaza/Gaza_report_May_2009.pdf (дата обращения: 13.03.2014).

24. *Tocci N.* The European Union, civil society and conflict: an analytical framework // The European Union, Civil Society and Conflict / Ed. by N. Tocci. Oxon: Routledge, 2011. P. 1–27.

25. الزعنون س. م. سياسة الاتحاد الاوروبي تجاه الحركات الاسلامية في المنطقة العربية. دراسة حالة حركة المقاومة الاسلامسة (حماس) ٢٠٠١ — ٢٠٠٧. اطروحة لنيل دكتوراه في العلوم السياسية. جامعة القاهرة، ٢٠١١.

REFERENCES

1. *Lebedeva M. M.* Politicheskoe uregulirovanie konfliktov. Podhody, reshenija, tehnologii. 2-e izd. M.: Aspekt press, 1999. 271 s.

2. *Jepshtejn A. D.* Izrail'tjane i palestintsy: ot konfrontatsii — k peregovoram i obratno. M.: Mosty kul'tury; Ierusalim: Gesharim, 2009. 191 s.

3. *Abdel Shafi S.* Civil Society and Political Elites in Palestine and the Role of International Donors: A Palestinian View. Euromesco paper 33. 2004. 16 p. URL: http://www.euromesco.net/euromesco/media/paper33_final.pdf (data obrashchenija: 22.03.2014).

4. After Zionism. One State for Israel and Palestine / Ed. By A. Loewenstein and A. Moor. London: Saqi, 2012.

5. *Alaoudah S. A.* Managing the Conflict between Palestine and Israel. The Role of the European Union. London: Authorhouse, 2010. xxv. 195 p.

6. Asseburg M. Euro-Mediterranean cooperation and protracted conflicts in the region: the Israeli-Palestinian predicament // Asseburg M., Salem P. No Euro-Mediterranean Community without Peace. EU ISS, IEMed paper. 2009. P. 13–27. URL: http://www.iemed.org/publicacions/10papers2010_1.pdf (data obrashchenija: 12.03.2014).

7. *Ben-Ami S.* Scars of War, Wounds of Peace: The Israeli-Arab Tragedy. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. xiv. 354 p.

8. *Brown N. J.* Requiem for Palestinian Reform. Carnegie paper 81. 2007. 17 p. URL: http://www.carnegieendowment.org/files/cp_81_palestine_final.pdf (data obrashchenija: 25.03.2014).

9. *Challand B.* Coming Too Late? The EU's Mixed Approaches to Transforming the Israeli-Palestinian Conflict. MICROCON Policy Working Paper 12. 2010. 37 p. URL: http://www.microconflict.eu/publications/PWP12_BC.pdf (data obrashchenija: 26.03.2014).

10. Consolidated Version of the Treaty on European Union. Art. 21. 2012. October 26. URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2012:326:0013:0046:EN:PDF (data obrashchenija: 10.03.2014).

11. European Union — Palestinian Authority Action Plan. 2005. URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/action_plans/pa_enp_ap_final_en.pdf (data obrashchenija: 15.03.2014).

12. European Union — Palestinian Authority Action Plan. 2013. URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/action_plans/2013_eu_pa_action_plan_en.pdf (data obrashchenija: 21.03.2014).

13. *Gatt-Rutter J.* Interview with the Neighbourhood Info Centre. 2014. February 12. URL: http://www.enpi-info.eu/medportal/features//718/Three-Questions-to-the-EU-Representative-(West-Bank-and-Gaza,-UNRWA),-John-Gatt-Rutter (data obrashchenija: 22.03.2014).

14. *Gunning J.* Hamas in Politics. Democracy, Religion, Violence. London: Hurst & Company, 2007. xiv. 310 p.

15. *Keukeleire S., MacNaughtan J.* The Foreign Policy of the European Union. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. xvii. 374 p.

16. *Kutteneh R.* EU funding of Palestine NGOs strengthens civil society // EUObserver. 2009. August 20. URL: http://euobserver.com/opinion/28357 (data obrashchenija: 22.03.2014).

17. *Levy-Ajzenkopf A.* Sharansky on tour promoting identity, freedom // Canadian Jewish News. 2008. July 1. Reprinted in: Edmonton Jewish News. 2008. Vol. 18. No. 1. P. 4. URL: http://www.albertaonrecord.ca/uploads/r/jewish-archives-and-historical-society-of-edmonton-and-northern-alberta/9/1/913257/1554.pdf (data obrashchenija: 25.03.2014).

18. *Pace M.* Paradoxes and Contradictions of EU Democracy Promotion in the Mediterranean: the Limits of EU Normative Power // Democratization. 2009. Vol. 16. No. 1. P. 39–58.

19. Political and economic relations // EU Delegation to West Bank and Gaza Strip. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/westbank/eu_westbank/political_relations/index_en.htm (data obrashchenija: 21.03.2014).

20. *Roy S.* Hamas and Civil Society in Gaza. Engaging the Islamist Social Sector. Princeton: Princeton University Press, 2011. xvii. 319 p.

21. *Schmid D., Braizat F.* The Adaptation of EU and US Democracy Promotion Programmes to the Local Political Context in Jordan and Palestine and Their Relevance to Grand Geopolitical Designs. Euromesco paper 50. 2006. 29 p. URL: http://www.euromesco.net/images/50_eng.pdf (data obrashchenija: 22.03.2014).

22. The European Union and the Palestinians // EU Delegation to West Bank and Gaza Strip. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/westbank/documents/news/2013_generalbrochure_en.pdf (data obrashchenija: 21.03.2014).

23. *Tocci N.* Active but Acquiescent: the EU's Response to the Israeli Military Offensive in the Gaza Strip. Brussels: Euro-Mediterranean Human Rights Network, 2009. 92 p. URL: http://adalah.org/features/gaza/Gaza_report_May_2009.pdf (data obrashchenija: 13.03.2014).

24. *Tocci N.* The European Union, civil society and conflict: an analytical framework // The European Union, Civil Society and Conflict / Ed. by N. Tocci. Oxon: Routledge, 2011. P. 1–27.

25. الزعنون س. م. سياسة الاتحاد الاوروبي تجاه الحركات الاسلامية في المنطقة العربية. ح دراسة حالة حركة المقاومة الاسلامسة (حماس) ٢٠٠١ — ٢٠٠٧. اطروحة لنيل دكتوراه في العلوم السياسية. جامعة القاهرة، ٢٠١١.

А. П. Сологуб

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ И ИХ ПОДХОДОВ К РЕГИОНАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ В РАМКАХ СОВЕТА ГОСУДАРСТВ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Автор делает попытку проанализировать в сравнительной перспективе ключевые приоритеты двух последних председателей Совета государств Балтийского моря — России и Германии. Изучены официальные выступления высших должностных лиц — Министров иностранных дел и ключевые документы, связанные с председательством. Делается вывод о том, что уровень координации и преемственности вырос, но еще многое предстоит сделать для того, чтобы увеличить эффективность сотрудничества в рамках СГБМ.

Ключевые слова: Совет государств Балтийского моря, Россия, Германия, приоритеты, региональное сотрудничество, регион Балтийского моря.

A. Sologub

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PRIORITIES OF RUSSIA AND GERMANY AND THEIR APPROACHES TO REGIONAL COOPERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE COUNCIL OF THE BALTIC SEA STATES

This paper is an attempt to comparatively analyse the key priorities of the Council of the Baltic Sea States, whose presidency passed successively after the Vilnius Declaration adoption in 2010. The documents and speeches of senior officials of Ministries of Foreign Affairs of the countries are studied. The conclusion is that the level of coordination and continuity has risen but there is quite a lot to be done to make cooperation in the framework of CBSS more effective.

Keywords: Council of Baltic Sea States, Russia, Germany, priorities, macroregional cooperation, Baltic Sea region.

Молодые ученые, изучающие политику и международные отношения, могут и должны следить за самыми последними изменениями в своей сфере исследований. Председательство в крупной и влиятельной организации, в том числе регионального